

Виктор Королев

г. Екатеринбург

Старый папин портсигар

В Первой 1960-го над Свердловском, в котором тогда жила наша семья, сбили американский самолёт. Папин приятель, майор, командир ракетного дивизиона, мог бы получить Героя, но первая ракета попала в наш же истребитель, который не успел выйти из зоны поражения, и майор Воронов за сбитого Пауэрса получил только Красную Звезду. Обмывали и этот орден, и папин юбилей. Воронов подарил ему на 40-летие портсигар.

Портсигар этот лежит сейчас передо мной. Уже малость потёртый, но ещё вполне пригодный. На хромированной крышке выдавлен Пётр Первый – таких много выпускалось в то время. Больше полувека этому подарку.

Время тогда было весёлое, счастливое. В космосе летают наши спутники, на Кубе – революция. Я учусь в шестом классе, и на пионерских сборах мы учим песню про чеканный шаг барбудос и остров зари багровой. Костя Поскалов сочиняет стихи в школьную стенгазету:

Куба! Фидель!

Сколько дрались вы недель –

Но отстояли вы свободу,

Сбросив ненавистную колоду!

И еще про интернационализм, китайских раскольников и мир во всём мире:

*Как вкусен рассыпчатый дружбой рис –
Я бы сырым его грыз и грыз!*

Все ему завидовали. Потом он мне скажет, что одна девочка даже разрешила поцеловать себя – «только за стихи и только в щёчку».

Когда папу отправили служить в Южную Группу войск, портсигар он, конечно, взял с собой в Будапешт. Там он работал день и ночь, мотался по командировкам и без конца смолил свой «Беломор». Скучал по семье. Мама должна была приехать к нему осенью 1962-го, а мы с братом остались бы дома, с бабушкой. Но получилось несколько иначе...

Агрессивные круги США готовят новое вторжение на Кубу с целью ликвидации революционного государства на американском континенте. Ещё в марте 1961 г. Джон Ф. Кеннеди, только что ставший президентом, санкционировал высадку десанта кубинских контрреволюционеров в заливе Кочинос. Более 17,5 тыс. наёмников были разгромлены в течение трёх дней. В августе 1961 г. Дж. Ф. Кеннеди задумал новую операцию против Острова Свободы. План «Мангуста» предусматривал два этапа: август-сентябрь 1962 г. – подготовка антикастровского «повстанческого» движения на Кубе; октябрь – «народное» восстание при поддержке американских спецслужб и войск с высадкой десанта. (Из советских газет)

Однажды он очень поздно вернулся из очередной командировки. Комната в офицерском общежитии была выстужена, вся какая-то пропахшая сапожной ваксой, затхлой бумажной пылью. Горячей воды в душе нет. Еды – ни крошки. Правый сапог жмёт. Он включил лампу, сел за стол, достал из планшетки чистые листы и сел писать письмо жене.

«Дорогая моя! Ты не волнуйся, всё у меня хорошо. Вчера приглашали к себе Максако-

вы, был шикарный стол, до сих пор есть не хочется. Много смеялись, тебя вспоминали. Привет тебе от них огромный. Как у тебя здоровье? Почему так редко пишешь? Получила ли ты деньги, что я послал? Я тут на довольствии, так что ещё и остаётся. Куда мне тратить без тебя? Вот приедешь, и купим тебе новое пальто, да и ребятам надо много чего из одежды. Как у них учёба идёт? Пиши всё-всё подробно. Мне интересна каждая мелочь, каждый прожитый тобой день. Целую. Твой Володя».

Подумал: стоит ли? Решил, что стоит, и дописал: «Завтра иду на дежурство на сутки». И поставил дату: «26/X 1962».

Запечатал в конверт, надписал адрес, достал из портсигара папиросу, затянулся. Живот подводило от голода, но после второй «беломорины» организм сдался, перестал недовольно урчать. Только тогда он снял сапоги, португую, разделся и лёг в холодную постель, накрывшись с головой жёстким солдатским одеялом...

Назавтра утро было тёплое, но туманное. Осень в Венгрии – совсем не то, что на Урале. Умылся по пояс холодной водой, пошёл завтракать, благо всё в военном городке рядом.

Особенно засиживаться в столовой было некогда. Без десяти восемь уже доложил в штабе. С адъютантом, молоденьким старшим лейтенантом с коровьими глазами, спустился вниз по лестнице, прошёл по длинному коридору, ещё спустился на пролёт, опять коридор – и оказался в бункере. Это и есть командный пункт Южной Группы войск. «Яма», как её называли офицеры втайне от начальства.

Всё: майор Королев дежурство принял. Выйдет отсюда он только 28-го октября.

14-го октября 1962 г. самолёты американской разведки обнаружили на Острове Свободы советские ракеты. Пентагон объявил боевую готовность. Министр обороны США Р. Макнамара предложил нанести воздушный удар 50 самолётами по пусковым площадкам

советских баллистических ракет, развёрнутых на Острове Свободы. В обращении к нации 22 октября президент США Джон Кеннеди заявил о начале морской блокады Кубы. (Из советских газет)

«Яма» – это, можно сказать, обычная трёхкомнатная квартира, только закопанная глубоко в землю. «В условиях термоядерной войны, если империалистам удастся её развязать...» Словом, никакая бомба не возьмёт. Сверху метров десять-пятнадцать, и бетонные стены метровой толщины вокруг. А связь с миром – по проводам. Десятки кабелей соединяют бункер старшего оперативного дежурного ЮГВ с важными и нужными абонентами – от адъютантской в соседней комнате до дежурного Генштаба всех Вооружённых Сил страны.

Он поднял трубку красного телефона, доложил Москве, что дежурство принял. Раскрыл журнал, записал туда то же самое. Полистал старые записи, увидел знакомые фамилии – Петя Максаков, Пикалов, Федя Касьянов... Друзья посмеивались: «Первый раз на дежурство идёшь? Вот и отдохнёшь там от своих командировок. И поспать есть где, и обед тебе принесут. Днём звонков мало, а ночью вообще тишина, как... как в “яме”!»

Он встал из-за стола, подошёл к стене, ещё раз перечитал обязанности дежурного, которые знал наизусть. Открыл дверь в комнату командующего. Там ковры, диваны кожаные, стулья мягкие. Заходить не стал, не положено. Дежурному положен топчан, шинель и планшетка под голову вместо подушки. На ночь можно разуться. Курить не положено, но начальство закрывает глаза на это – вентиляция здесь отличная.

Закурил. Это была его вторая папироса после завтрака. Утром на всякий случай купил в военторговском буфете ещё две пачки: запас солдатского кармана не тянет.

Осмотрел на столе все телефоны. Их шесть. Чёрный без диска – это в адъютантскую. Но оттуда звонят чаще, чем туда. Если пойдёт проверяющий, сообщат. Но не было ещё случая, чтобы оперативного де-

журного кто-то проверял, а командующий сюда никогда, наверное, и не спускался. «Яма» – это на случай войны, запасной командный пункт.

Красный телефон – прямой провод ВЧ с Москвой. Он потребуется только один раз – сообщить, что дежурство принял. Это уже сделано. Четыре остальных аппарата бежевого цвета – связь с самыми крупными соединениями: ПВО, лётчики, танкисты, разведка... По этим телефонам можно быстро соединиться с любым городом Венгрии, где стоят наши части. Тоже не потребуются.

Глянул на циферблат – вот, осталось-то всего 23 часа дежурства! Днём можно ещё одно письмо в Свердловск написать – как они там?

В субботу министру обороны СССР Малиновскому предстояло принять самое серьёзное решение с момента начала кризиса. Около 9 часов утра по московскому времени в Министерство поступила от генерала Плиева шифрованная телеграмма: «Командование ВВС США отдало приказ привести в полную боевую готовность свои стратегические военно-воздушные подразделения. Воздушный налёт на наши установки на Кубе состоится в ночь с 26 на 27 октября или в течение 27 октября. Мы решили, что в случае воздушного нападения США на наши установки мы примем все возможные меры противовоздушной обороны».

Полчаса понадобилось Малиновскому, чтобы всё обдумать и одобрить решение Плиева о применении силы в первом столкновении сверхдержав в период холодной войны. В 11-00 утра он подписал шифрограмму Плиеву на Кубу и в Кремль: «Предлагаю согласиться». (Из книги А. Фурсенко, Т. Нафтали «Секретная история Карибского кризиса 1958–1964»)

В «яме» было абсолютно тихо. Едва слышно шумела вытяжная вентиляция. Он снова полистал журнал – никаких происшествий. Вот, единственное: «Протечка крана

в комнате отдыха командующего. Устранено». Полгода назад, на дежурство Максакова выпало.

Правый сапог жал. Разулся, пусть ноги отдохнут. Сел за стол. Начал писать своим новое письмо: «Дорогие мои! Как же я по вас соскучился! У вас ещё ночь, а я сейчас нахожусь на службе, появилась свободная минутка, и так захотелось поговорить с вами...»

Написал целую страничку отдельно сыновьям. Просил их помогать маме, беречь её здоровье. И, конечно, учиться хорошо.

Вспомнил все детали и закоулки первой в жизни отдельной квартиры на улице Уральских рабочих. Сколько было радости, когда переехали! Сколько планов! И какое счастье, что квартира такая чистая, ремонт ещё года три не потребуется. Как раз он вернётся в Союз, и всё сделают! И сыновья помогут. А что? Обои клеить – пора им учиться и этому, обязательно в жизни пригодится...

На подлёте к Гуантанамо замечен американский самолёт-разведчик U-2. Отдан приказ уничтожить его. Пуск был осуществлён в 10:22 по местному времени. Самолёт сбит, пилот погиб. Примерно в это же время другой U-2 был обнаружен над Сибирью: начальник штаба ВВС США генерал Лемэй пренебрёг приказом президента Дж. Ф. Кеннеди прекратить полёты над советской территорией. (Из газет)

Когда он вернётся, ему будет что рассказать сыновьям. А может, повезёт – и они приедут сюда. Вот было бы здорово! Ох, скорей бы Анёшка приезжала... Она в жизни такого изобилия в магазинах не видела! Поднакопим деньжат, и пусть ходит с подружками, меряет кофты. Вера Максакова ей всё покажет, они здесь уже третий год. Интересно как, шесть лет уже прошло после событий 56-го, а в центр города по одному до сих пор не разрешают выходить. И в военной форме нельзя. Злые они, мадьяры. Петя Максаков рассказывал, что в позапрошлом году мальчишку нашего ма-

дьяр вилами заколол прямо возле городка, тот вишню его рвал. Сейчас, конечно, спокойнее стало...

Он дописал письмо. По привычке поставил дату. Запечатывать в конверт не стал – может, потом ещё что-нибудь вспомнит. А сейчас – ещё одно дело. Зря, что ли, он в командировку ездил? Весь блокнот исписал. Есть из чего статью сделать. В прошлом месяце два его материала прошли в «Красной звезде», а там совсем непросто опубликоваться.

И до обеда работал над статьёй. Портсигар наполовину опустел. Через час старший оперативный дежурный ЮГВ майор Королев уже лежал на топчане, накрывшись шинелью. Только сон никак не шёл ему. Вспоминал, как его призвали в 39-м прямо из учительского института. Как не хотел оставаться в армии, а его не отпустили. Как всю войну прослужил на Дальнем Востоке, и про тот первый бой с японцами в 45-м, за который получил орден Красной Звезды, – тоже вспомнил.

Теперь осталось всего два года отслужить, будет 25 календарных – и можно в отставку, на пенсию военную. «Пойду в школу учителем...» С этой мыслью он, наконец, задремал. Ещё успел подумать, что поспит минут двадцать. Жена всегда удивлялась, как это ему удаётся: сказал двадцать минут – ровно через двадцать проснётся...

«Мы не хотели войны, не хотели сами иметь жертвы и не хотели наносить потери Америке. А если начнётся война? Тогда, как говорится, попал в драку, не жалей волос. Я самую тревожную ночь провёл в Кремле.»

Шёл непрерывный обмен письмами с президентом Кеннеди... Мы, насколько возможно, приготовили наши войска. По-моему, сделали даже какие-то заявления относительно усиления нашей боевой готовности. Должен сейчас чистосердечно сказать, что это была только демонстрация в печати, чтобы воздействовать на умы американских агрессоров. Практически же мы ничего

серьёзного не предприняли, ибо считали, что война не разразится и что мы имеем возможность повлиять на возникший накал, чтобы не допустить войны». (Из «Воспоминаний» Н. С. Хрущева)

Разбудил его телефон. Звонил один из четырёх бежевых аппаратов. Как был, в носках, метнулся к столу. Поднял трубку, представился.

– Вот что, майор... – голос главного ПВО-шника на том конце провода был какой-то недовольный и даже презрительный. – Доложите командующему: на локаторе неопознанные цели. Пока насчитали пятнадцать. Идут с юга боевым порядком, курс 45. Жду его распоряжений, майор...

И замолчал. Он был старше по званию, и, видимо, ему было не по себе, что приходится подчиняться майору.

– Подлётное время? – единственное, что пришло в голову спросить.

– Минут шесть-семь. Теперь уже меньше. Жду распоряжений, – повторили на том конце.

– Хорошо. Докладывайте немедленно о любых изменениях обстановки!

И ещё не успел положить бежевую трубку, как поднял чёрную, адъютантскую:

– Срочное сообщение для командующего! Немедленно!

Едва успел записать в журнал о происшествии, как адъютант отзвонился:

– Товарищ майор! Командующий спит, не могут добудиться...

– Как это не могут?! Он что, не в состоянии?

– Не могу знать! Жена ответила: «Сейчас его пушкой не разбудишь». Ничем, говорит, помочь не могу – выходной день...

– А начальник штаба? А член Военного совета?

– Они в командировке.

Всё, майор Королев! Принимать решение только тебе. И на это у тебя считанные минуты.

Потянулся к бежевой трубке:

– Поднимайте в воздух звено перехватчиков, пусть визуально определяют и немедленно доложат!

– Это приказ командующего? – спросил недовольно главный ПВО-шник.

– Это мой приказ! – рявкнул в трубку и повторил своё звание и фамилию.

Теперь отступать некуда. Когда вывел в журнале слова «принял решение», понял: только что сам себе подписал приговор. Достал портсигар, закурил, щёлкнул крышкой. В тишине бункера звук был очень похож на щелчок пистолетного курка.

Снял трубку красного телефона. Доложил в Москве.

– Вы понимаете всю меру ответственности, майор? – спокойно спросил дежурный Генштаба.

– Понимаю.

– Хорошо. Министру будет доложено. Ждите.

Красная трубка не успела лечь на место, как зазвонил бежевый телефон.

– Перехватчики подтверждают: авиакрыло с опознавательными знаками ВВС США в количестве 15 стратегических бомбардировщиков В-29 на высоте 8 тысяч метров идут прежним курсом, в боевом порядке. В эфир не выходят, на сигналы не отвечают.

Помолчав секунду, голос в трубке добавил без всякого недовольства и даже с какими-то умоляющими нотками:

– Товарищ старший оперативный дежурный, ситуация критическая, надо принимать решение! Немедленно!

Да, теперь уже медлить нельзя ни секунды. Эти бомбардировщики способны нести ядерное оружие. И наверняка несут его. Это значит, что... Он должен принять решение.

– Полку – боевая тревога! Все истребители – в воздух! Огня не открывать! Не дайте им перейти границу! Устройте им карусель, сломайте строй!

– Ну, смотри, жить-то тебе! – хмыкнула трубка. – Может, и увидимся ещё. А может, и нет. Удачи тебе, майор!..

В комнате дым стоял коромыслом. Он раскрыл портсигар, прежде чем позвонить по красному телефону. Портсигар был пуст.

Достал вторую пачку «Беломора», закурил. Одной рукой делая записи в журнале, поднял красную трубку.

Дежурный Генштаба выслушал доклад спокойно.

– Вас понял. Министру доложено о вашем самоуправстве. И лично я вам не зави-
дую. Ещё вопросы есть?

– Есть. Мне нужен квартирный телефон в Свердловске. Прямо сейчас.

– Не положено. А впрочем... диктуйте номер.

Прошло, наверное, минуты полторы, прежде чем он услышал сонный голос жены:

– Алло!

– Анёшка, это я! У меня всего одна минута. Как вы там? Как ты? Как ребята?

– У нас всё хорошо. У тебя ничего не случилось?

– Всё нормально! Только соскучился очень! Всё, больше не могу говорить! Целую вас, родные мои!

Он положил трубку, и в комнате стало тихо, как... как в «яме». Он снова закурил. Буквально в несколько секунд высосал папиросу и тут же достал новую.

Звякнул бежевый телефон:

– Докладываю: самолёты США легли на обратный курс! Они по-вер-ну-ли! Мои ребята им такую карусель устроили! Слышь, майор?!

Честно признаться, дальше он уже не слушал. Он торопился записать сообщение в журнал. И когда закончил, доложил Москве. Вот и всё. Он сделал свою работу. Теперь можно и сапоги надеть...

В полдень на даче в Ново-Огарёво состоялось заседание Президиума ЦК КПСС в расширенном составе: все члены, кандидаты в члены и секретари ЦК. Хрущёв в мрачных красках описал опасность: «Мы оказались лицом к лицу с угрозой войны и ядерной катастрофы, в результате которой может погибнуть человеческая цивилизация. Чтобы спасти человечество, мы должны отступить. Я собрал вас всех, чтобы посоветовать»

товаться и обсудить, согласны ли вы с такого рода решением».

В 16-00 министр обороны СССР Малиновский приказал генералу Плиеву начать демонтаж пусковых установок на Кубе. Карибский кризис закончился. (Из книги А. Фурсенко, Т. Нафтали «Секретная история Карибского кризиса 1958–1964»)

...В 1967 году мой папа в звании подполковника уволился из армии и стал школьным учителем, как с юности мечтал. Я был уже студентом, когда однажды он застучал меня у форточки с сигаретой. Папа ничего не сказал, молча вышел из комнаты. Через минуту вернулся, положил передо мной на стол портсигар. Обычный портсигар, на крышке выдавлен Пётр Первый, медный всадник.

– То, что ты стал курить, – это плохо, – сказал папа. – Но то, что ты таишься, – ещё хуже. Не кури, сынок, ничего в этом нет хорошего. Я начал дымить на войне и, как ты знаешь, вот уже пять лет не курю. Бросил раз и навсегда. Рассказать, как это было?

И он рассказал мне эту историю про своё дежурство в штабном бункере Южной Группы войск.

– Я вышел тогда из «ямы» и решил закурить. Открыл портсигар, а в нём всего две папиросы – всё, что осталось почти от трёх пачек. Хочешь, тебе портсигар подарю? Только пообещай мне, что никогда не будешь курить!

– Пап, так получается, что ты третью мировую войну предотвратил? Это же подвиг! Ты – герой! И тебя же ещё они хотели наказать? А чем дело кончилось, расскажи!

– Ну, какой я герой?! Я домой как пришёл, сразу спать завалился, а утром приказ – явиться срочно к командующему. Он мне выдал по первое число, с полчаса орал, держа по стойке смирно, потом сказал, что, спасая меня от трибунала, берёт всю ответственность на себя, только в рапорте я должен указать, что все распоряжения отдавались им лично с квартирного телефона. Я так и сделал...

Представил командующему рапорт, он прочитал, остался доволен, сказал:

– От своего лица награждаю вас именным холодным оружием! Идите, получите кортик на складе, приказ я уже отдал. Свободны!

Карибский кризис привёл к охлаждению отношений кубинского руководства с Кремлём. В гневной тираде Фиделя Кастро в адрес Хрущёва самыми мягкими были слова «сукин сын». Фидель позже вспоминал: «Мы не были против какого-либо соглашения, потому что понимали, что необходимо избежать ядерного конфликта. Но про Кубу русские забыли полностью». Хрущёв чувствовал себя несколько виноватым по отношению к Фиделю Кастро и присвоил ему звание Героя Советского Союза.

– Пап, так тебя всё-таки наградили?

– Меня – нет! – отец как-то легко засмеялся. – Это командующего Южной Группы наградили орденом боевого Красного Знамени.

– А кортик?

– Кортика мне не досталось. Пошёл на склад, а там начальником майор, хитрован такой, он в нашем городке ещё карточки продуктовые распределял, так он заявил, что кортиков нет и неизвестно, когда будут. Говорит: «Советую вместо кортика взять бритвенный прибор-несессер, да и их всего две штуки осталось». Не жаловаться же мне! Взял несессер и пошёл себе. Курить хотелось – ужас как! Но не стал. И ты бросай, пока не поздно. Это несложно – всего лишь побороть самого себя...

И он подарил мне свой старый портсигар. С двумя «беломоринами» внутри.

Потом сколько раз я пытался бросить курить – никак не получалось. И сколько раз я пытался отучить от этой дурной привычки своего сына – безуспешно. Ну что, война, что ли, за окном, чтоб дымить не переставая? Может, портсигар ему подарить?

Неужели нужно быть героем, чтобы приказать себе?

